

Из серии рассказов о первых священно- и церковнослужителях куреня Полтавского и не только, часть 1. Как все начиналось.

«Э-ге-гей! Здравствуй новая земля! Становись нам родной! Корми нас и пои! А мы будем тебя оберегать и обустраивать», - так кричали казаки гребной флотилии черноморцев, высаживаясь 7 сентября 1792 года на Таманский полуостров. Переселение осуществлялось не только по морю, но и по суше. Через Крым двигались семейные казаки с имуществом; через степную Украину, а далее по земле донских казаков двигалась конница и войсковой обоз. Организованное переселение продолжалось и в 1793 году, и позже еще подходили в одиночку и группами.

Рисунок 1. Чечин Александр "Высадка запорожцев на Тамани"

Закипела жизнь на кубанской земле, ах, как много надо было сделать. Одной из задач, стоящих перед Черноморской администрацией, создающей с нуля все службы на огромной пустой территории, по климатическим условиям не очень благоприятной для жизни, были вопросы церковного строительства и формирования духовенства. Казаки принесли с собою на эту землю христианскую религию и надо было начинать строить церкви и обители, создавать штат священно-церковнослужителей.

Иеромонах Антоний, священник войсковой походной Свято-Троицкой

церкви, из-за болезни прибыть в Черноморию не смог, поэтому в момент переселения на Кубань Черноморское войско было без духовенства. И в первые годы на новой земле возникли сложности с его формированием. С просьбой о присылке пастырей кошевой атаман Захарий Чепега обращался к епархиальным властям, но у них самих был «недостаток в священстве», а прибывшие несколько священников ситуацию не спасли. В итоге казакам пришлось формировать духовенство из своей среды.

С одной стороны, это была вынужденная мера, которую казаки обосновали в своем прошении к Святейшему Синоду следующими доводами: *«По благоволению Всеавгустейшей Императрицы войску верных черноморских казаков отведена земля Таврической области на острове Фанагории (Таманский полуостров – Е.С.), на земле которой многие селения уже заселены и вновь населяются. Каждое селение имеет не менее тысячи душ, которые, не имея священников, коих и заимствовать неоткуда, умирают без исповеди и причастия Святых Таин. Новорожденные младенцы бывают без крещения месяцев по семи... Дабы жители и далее того претерпевать не могли просим повелеть преосвященному епископу Феодосийскому представляемых от нашего правительства с надлежащими увольнительными свидетельствами людей достойных во священники рукополагать и в церковнические звания определять, также и храмы Божии сооружать дозволять...»*

С другой стороны, формирование духовенства из своей, казачьей среды, это то, чего и хотело войсковое правительство Черноморского войска.

Казаки выбирали по куреням священников, диаконов, причетников, давали им одобрительные приговоры. Образец такого приговора будет приведен чуть позже. Кошевой атаман направлял претендентов на эти должности к епархиальному владыке для испытания и посвящения.

Такой принцип формирования, а продолжался он до 1 июля 1842 года, ставил черноморское духовенство в особое положение в сравнении с

традиционными церковными порядками, установленными во всей Российской империи.

Священно- и церковнослужители из казачьей среды оставались в казачьем сословии и получали землю наравне с другими казаками. Дети их числились в посемейных списках в казачьем звании и несли военную службу, если не приписывались к духовенству.

Сам народ, войсковое правительство, и духовные власти заботились о том, чтобы пастыри и церковный клир состояли из лиц высоких нравственных качеств, но, к сожалению, спешное формирование черноморского духовенства сказывалось иногда на моральном облике священнослужителей, так как в священники и дьяконы посвящались люди, не имевшие порой никакого духовного опыта. Отрицательное воздействие на духовенство оказывал и порядок обращения казака в духовного отца, где имели место злоупотребления и взяточничество. Настоящим бедствием стал такой порок как пьянство, который не удавалось искоренить, несмотря на строгие предписания Синода (об этом мы еще поговорим).

11 января 1794 года (через полтора года после начала переселения) Святейший Синод причислил Черноморское войско к Феодосийской епархии, находившейся на Крымском полуострове. Чтобы добраться до нее из Екатеринодара надо было проехать около 300 км по необустроенному таманскому тракту, большей частью заполненному болотами, гнилым тростником и стоячими водами, переплыть Керченский пролив (в то время его называли Таманским), который не всегда был доступен для плавания, и еще проехать по Крымскому полуострову. То есть бывали дни и месяцы, когда никакой связи с епархией не было, и скорость обмена информацией была настолько низкой, что сообщение успевало устареть, пока доходило до адресата.

Епископ Феодосийский и Мариупольский Иов получил указание Синода позаботиться об открытии в крае необходимого числа церквей, но при этом

должен был следить, чтобы для них отводилось не менее 33 десятин земли, а для священников возводились соответствующие их положению дома. На каждую церковь должно было приходиться не менее 100 дворов, считая по четыре души мужского пола на двор. Через год были внесены дополнения к этому указу: «... разрешать возводить храмы в селениях, где меньше 100 дворов, при условии, что ближайшая церковь находится далеко, а войско согласно вести строительство за свой счет».

Первый протоиерей войска Черноморского

Наряду со своим казачьим духовенством Черноморское войско обзавелось и своим казачьим ближайшим духовным начальством. Первым войсковым протоиереем в марте 1794 года был назначен священник Роман Порохня. Какого же роду он был?

В сборнике документов «Православная церковь на Кубани», выпущенном в **2001** году, в именном списке Роман Порохня указан без отчества и года рождения. То есть на тот момент не было найдено документов, говорящих об этом.

Горожанина М. Ю., кандидат исторических наук, доцент кафедры Церковной истории Екатеринодарской духовной семинарии, в своей работе: «Деятельность на Кубани первого войскового протоиерея Черноморского казачества Р. Порохни» в **2015** году написала следующее: «Одной из загадочных фигур известных кубанских деятелей является личность войскового протоиерея Романа Порохни. На сегодняшний день о его деятельности известно больше, чем о нем самом, даже восстановить его отчества оказалось проблематично.

До переезда в Черноморию он жил в селе Новоселица (которое в то время нередко называли Самарой – в честь протекавшей рядом реки), где был

священником Свято-Троицкой церкви, построенной без единого гвоздя на средства войска Черноморского.

Новоселицы было центром одной из восьми Запорожских паланок (округов) – Самарской. Здесь же располагалось Духовное наместническое правление, которое возглавлял настоятель Свято-Троицкой церкви Григорий Иванович Порохня.

Поэтому можно предположить, что Роман Порохня был сыном уважаемого и любимого запорожцами Григория Ивановича Порохни, либо его родного брата войскового есаула Андрея Ивановича, под руководством которого запорожцы одержали не одну победу. Данную гипотезу подтверждает и сообщение, часто встречающееся в документах, о том, что Р. Порохня был родственником войскового судьи А. А. Головатого. Который, как известно, был женат на дочери Г.И. Порохни Ульяне. К сожалению, более точных сведений о родителях Романа Порохни нет, неизвестно и его отчество. Поэтому на данный момент, все, что касается его семьи, строится, лишь на предположениях».

Ольга Щикальцова в статье **2021** года: «Неизвестные факты биографии войскового судьи А. А. Головатого» сняла занавес с тайны о происхождении Порохни, найдя уникальный архивный документ – «Исповедную роспись восьми церковью Старокодацкой наместни за 1769 год».

«Роспись наместника Старокодацкого Запорожского иерея Григория Ивановича Порохни, местечка Самарчик, церкви Святой Живоначальной Троицы за 1769 год.

*Наместник **Иерей Григорий Иванович Порохня**, 43 года,*

*Жена его **Иулияна Дионисиевна** – 28 лет,*

*Дети их: **Иулияна** – 11 лет; **Роман** – 9 лет, **Федор** 5 лет».*

Этот документ дает нам право уверенно считать, что Роман Порохня – сын иерея Григория Ивановича Порохни».

Я же нашла Посемейный список церковного причта войска Черноморского за 1798 год, подтверждающий эту уверенность.

ЦЕРКОВНОГО ПРИЧТА,		
Протопосей	Романъ Григорьевъ	40
Сынъ <u>Порохня</u>	— — — — —	—
Евдокия	Евдокия Павлова дочь	30
Дети	Илья	
	Синодья	
Андрей	— — — — —	9
Константинъ	— — — — —	6
	Дочери	
Анна	— — — — —	11
Марья	— — — — —	4
Александра	— — — — —	1
Племянница	Илья Елисаветъ Ермо	
Рвса	дочь Панкратъ — — — — —	29
Племянникъ	Ермогенъ Климентьевъ	
Сынъ <u>Красля</u>	— — — — —	19

Отчество Романа Порохни действительно Григорьевич, год рождения примерно 1759 год, все это соответствует росписи, найденной Ольгой Щикольцовой.

В обнаруженном мною Посемейном списке расписана семья Романа Григорьевича Порохни: его жена Евдокия Павлова, 30, сыновья: Андрей, 9, Константин, 6, дочери: Анна, 11, Марья, 4, Александра, 1, и племянники. Думаю, что эти сведения печатаются впервые.

Именно с его приходом в войско начался процесс формирования приходского духовенства. Учитывая военную обстановку, которая в то время была на Кубани, существенного отличия между приходскими и войсковыми священниками не было. Кроме того, именно войсковой протоиерей курировал все белое духовенство, которое первоначально, как мы уже знаем, в основном комплектовалось из казаков.

На новом месте отцу Роману пришлось столкнуться с совершенно новым для него делом – организацией церковной службы и массовым строительством церкви в необжитом крае. Войсковой протоиерей посещал места, отведенные под строительство храма, проверял правильность сделанного казаками выбора, большое внимание уделял подбору священнослужителей.

В те времена грамотных людей в Черномории было очень мало, но Войсковое Правительство не препятствовало переходу их из военных рядов в духовный сан. Именно они и составили костяк формирующегося духовенства. Роман Порохня, заботясь о качестве знаний будущих пасторов, организовал при Свято-Троицком храме в Екатеринодаре небольшую школу, в которой кандидатов в священники в течение двух-трех месяцев (на больше не было времени) обучал священнослужительским обязанностям, знакомил с основными правилами церковного богослужения. После этого учеников направляли к епископу Феодосийскому и Мариупольскому, которому в те годы подчинялось черноморское духовенство. На смену одних тотчас же приходили другие, и отцу Роману приходилось все начинать заново. Таким образом, Свято-Троицкий храм превратился в центр духовного образования, в котором бывших казаков превращали в священников, здесь же велось и перевоспитание нерадивых священников.

Список учеников Романа Порохни в 1798 году, помещенный в Посемейный список церковного причта Свято-Троицкого храма.

ВШКОЛЪ				
Демянъ	Климовъ	сынъ	Полемодскій	24
Миксого	Мауль	сынъ	Обрамовъ	27
Воленко	—	—	—	—
Паномаръ	Пропосен	сынъ	Афанасьевъ	29
Крамасенко	—	—	—	20
Иданъ	Стефановъ	сынъ	Поповъ	19
Филмъ	Идановъ	сынъ	Поповъ	—

В 1798 году отец Роман стал инициатором строительства войскового собора в г. Екатеринодаре, который был торжественно освящен в 1802 году, но, к сожалению, к этому времени его уже не было в живых. Умер Роман Григорьевич в начале 1800 года, в возрасте 41 года, то есть совсем молодым. Что стало причиной смерти - непосильные труды или гнилой климат тех мест - найти пока не удалось.

После упразднения Феодосийской викарной кафедры в 1799 году земли черноморских казаков непосредственно стали входить в состав Новороссийской епархии, переименованной в 1803 году в Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую.

В 1794 году в Черномории насчитывалось всего четыре церкви: в Екатеринодаре (походная) (1), Джерелиевке (походная) (2), которая находилась в то время на месте современного города Славянска-на-Кубани, в Щербиновке (3) и в Тамани (походная) (4).

На карте отмечены места расположения первых четырех храмов на Земле Войска Черноморского в 1794 году.

Продолжение рассказа о том, как все начиналось

Первым храмом Русской Православной Церкви в Полтавском курене стал храм во имя Господа нашего Иисуса Христа, в память Его обрезания.

О своем «ревностном желании к устройению» этого храма полтавчане сообщили властям 8 августа 1796 года.

«Куреня Полтавского Старшин и козаков.

Прошение.

На назначенном от оногo правительства при урочище Казачьего Ерка месте в заселяемой нами слободе Полтавской имеетя выстроенных домов восемьдесят, в них людей: мужского – 283, женского – 162, обоего пола - 445 душ. И как поблизости сей слободы церквей не имеетя, и преподавание христианских треб есть постоянно настоящее затруднение, то дабы не могли мы умирать без исповеди и святых тайн причастия, а рождаемые младенцы оставаться без крещения, все имеем ревностное желание к устройению в сей слободе деревянной церкви с наименованием Обрезания

господня. Для чего на первый случай сложили триста рублей денег, а на дальнейшее время обязуемся всякий по своему состоянию сколько может помогать как деньгами, так и хлебом. Для того оному правительству представляя покорнейше просим о постройке таковой церкви и о присылке священника учинить милостивое рассмотрение.

*К сему прошению куреня Полтавского старшины: подпоручик **Семен Визирь**, атаман **Осип Нарвиюта**, козаки: **Григорий Попка**, **Герасим Мамай**, **Григорий Шмалько**, **Яков Неговый**, **Пантелеймон Товстик**, **Федор Крепак с товарищами (и все общество)**, а вместо их неграмотных по просьбе руку приложил козак **Михаил Василековский**. 8 Августа 1796 года».*

В этот же день прошение было зарегистрировано в журнале войскового Черноморского правительства и отправлено с соответствующей просьбой в **Феодосийскую Епархию**, из которой 26 августа был получен положительный ответ «о разрешении заложения в слободе Полтавской воименование Обрезания Господня церкви».

Через два месяца, 1 ноября 1796 года, полтавчане составили **Заручное прошение** в Феодосийскую духовную консисторию о назначении к строящейся церкви священника, которое предварялось прошением в войсковое правительство.

*«Верного **Императорского** войска Черноморского, в войсковое правительство.*

Селения Полтавского от нижеподписавшихся старшин и казаков.

Прошение.

*Избранного нами Войска Черноморского таманской Свято-Покровской церкви дьякона **Григория Стрешенка** данным от нас на имя преосвященного Гервасия, Епископа Феодосийского и Мариупольского, **заручным прошением** о рукоположении его к строящейся в нашем селении во имяновение Обрезания Господня церкви во священника. При сем войсковому правительству*

представляя, просим о рукоположении его по надлежащему куда следует не оставить милостивым рассмотрением.

К сему прошению куренного поселения Полтавского, подпоручик Семен Визирь, прапорщик Улас Задирака, полковой хорунжий Яков Неговый, куренной атаман Осип Нарвилята, ктитор Николай Баштанник. Козаки: Александр Синенко, Гаврило Неговый, Савва Чуприна, Данило Пушкарь, Федор Крепак, Василь Тащенко, Максим Леньский, Сидор Кандаля, Михаил Слон, Григорий Сур, Петро Ярошенко, Яков Рыбанец, Степан Летючий, а вместо их неграмотных по прошению подписал козак Гаврило Кус. 1796 год ноябрь».

Заручное прошение

Великому Господину Преосвященному Гервасию, епископу Феодосийскому и Мариупольскому.

Епархии вашего Преосвященства Войска Черноморского куренного селения Полтавского от нижеподписавшихся старшин и козаков. Нижайшее прошение.

- 1. Вышеописанное наше селение находится при речке Казачьем Ерку, в коем по благословлению Вашего Преосвященства имеет быть вскорости заложена во имяновение Обрезания Господня церковь.*
- 2. В селении нашем ныне находится восемьдесят четыре дома, в них мужского пола души двести двадцать восемь, женского сто шесть, и когда принадлежащие для заселения нашего куреня козаки перейдут, то и более будет. Но по неимению в нем священника претерпеваем в христианских требах крайнюю нужду.*

3. Мы свидетельствуем, что обще избранный нами в священники кандидат сего войска, находящийся в городе Тамани при Святой Покровской церкви, диакон Григорий Стрешенко состояния доброго, не пьяница, небийца, не мшелоимец, в домостроительстве своем исправен и рачителен, не клеветник, не сварлив, в воровстве и обманстве не обличен. И от роду ему лет тридцать.
4. Избранный нами кандидат диакон Григорий Стрешенко пользоваться будет принадлежащим ему доходом, доброхотным подаянием, и общественной вместе с нами войсковою землею. И от оной церкви по смерти своей переходит и проситься сам и чрез других не будет. О чем и сам он на сем подписался. К сему прошению таманской Свято-Покровской церкви диакон Григорий Стрешенко.

Покорнейше просим Вашего Преосвященства, милостивого Архипастыря, помянутого кандидата дьякона Григория Стрешенко к строящейся у нас церкви произвести в священники и снабдить грамотою.

К сему зарученному прошению куренного селения Полтавского подписали: подпоручик Семен Визир, прапорщик Влас Задирака, полковой хорунжий Яков Неговий, куренной атаман Осип Нарвипята, ктитор Николай Баштанник, козаки: Александр Синенко, Гаврило Неговий, Савва Чуприна, Данила Пушкарь, Федор Крепак, Василь Тащенко, Максим Ленский, Сыд Капуста, Михаил Слон, Григорий Сур, Петро Ярошенко, Яков Рыбенцов, Степан Летючий и все общество, а вместо их неграмотных по прошению руку приложил сотник Демьян Шкуренко.

Откуда же появился Григорий Стрешенко? Первое упоминание о нем мне встретилось в черновике прошения в войсковое правительство.

«Коша верного императорского войска черноморского в войсковое правительство. Октября, 1793 года.

Мы по общему согласию ~~избирая состояния хорошего~~ в войсковую Свято-Троицкую церковь служащ(их)его при той церкви во всю минувшую с Портою войну:

1. начальным дьяком священнического сына Василия Федорова сына Дячевского в иереи, состояния доброго, которому тридцать лет от роду, сочетался первым браком на девице дочери оного войска старшины армии поручика пана Котляра Ирине.
2. ~~псаломщиком Григория Иванова сына Стрешенко в иеродиякона, которому двадцать пять, сочетался первым браком на девице, дочери куреня Васюринского казака Василия Животовского Натальи.~~

Избирая сих, войсковому черноморскому правительству представляем и покорнейше просим о рукоположении еъх его в вышеперечисленный сан учинить милостивое рассмотрение».

Напомню, это октябрь 1793 года, не было еще указа о причислении Войска Черноморского к какой-либо епархии, не было и жеребьевки по куреням. Сведения о Стрешенко вычеркнуты, но благодаря им, я узнала, что наш Стрешенко служил псаломщиком при войсковой походной церкви в русско-турецкую войну (1787-1791 годов), и что в 1793 году он был уже женат на дочери казака Василия Животовского. Правда, в Васюринском курене, как было указано в прошении, я Животовского в первой переписи не нашла. Он был записан в Денском курене, и выглядело это так:

10	Василий Животовской	1	60	
	жена его Агафия		1	50
	дети их:			
	сыны			
	Федор	1	20	
	Влас	1	10	
	Федор	1	6	
	зять их Григорий	1	26	
	жена его Наталия		1	16
	племянца его			
	Мелания	1		15

Оказалось, что в этой переписи был указан и наш Григорий, как зять Василия Животовского, без фамилии.

Вернемся к хронологии дальнейших событий.

20 октября 1793 года в письме, присланном из Тамани, Антон Головатый рекомендовал кошевому атаману Захарию Чепеге воспользоваться пребыванием в Таврии преосвященного Иова и послать ему на просмотр списки кандидатов в священники из казаков и *«за одним разом просите антиминсов («вместопрестолие» - Е.С.) в каждом селении, назнача храмам Божьим название».*

Скорее всего, Захарий Чепега отправил к архиепископу Иове отобранных кандидатов, был ли среди них Григорий Стрешенко неизвестно, так как список этих кандидатов пока не найден.

Преосвященный Иов не решился исполнить просьбу кошевого атамана. **4 ноября 1793** года от него был получен ответ: *«Всеусердно рад бы удовлетворить просьбу Вашу позволением строить в войске церкви, выдачей в оныя святых антиминсов, посвящением присланных от вас людей **шестерых** во священники, а седьмого во диаконы и определением для них наставника, но без повеления Святейшего Правительствующего Синода приступить к тому не смею, потому что не знаю, от какого архиерея войску следует получать священников и прочие потребности».*

В этом же письме епископ Иов посоветовал кошевому атаману З.А. Чепеге обратиться в Святейший Синод для прояснения вопроса о епархиальном подчинении Черноморского войска. В конце письма епископ написал, что священников из своего штата он выделить не может, поэтому рукоположит двух грамотных черноморцев, выбранных войском и присланных к нему, а затем под видом своих штатных отправит назад в Черноморию.

Войсковое правительство тут же отправило в епархию двух кандидатов и 8 декабря получило ответ от архиепископа: *«Присланные от Вас кандидаты **Василий Дьячевский и Филипп Стояновский**, первый священником, а второй диаконом, мною произведены... Когда же от Святейшего Синода*

последует резолюция согласно желания Вашего, то они навсегда у Вас останутся...»

11 января 1794 года Святейший Синод причислил Черноморское войско к Феодосийско-Мариупольской епархии.

22 апреля 1794 года Его преосвященство Иов, епископ Феодосийский и Мариупольский, прибыл в Тамань, а оттуда через несколько дней в Екатеринодар.

Историческая справка. Архиепископ Иов (в миру Яков Петрович Потемкин; 22 июля 1752 – 28 марта 1823) – епископ Русской православной церкви, архиепископ Екатеринославский, Херсонский и Таврический. Племянник князя Григория Потемкина.

Родился в селе Николажи Смоленской губернии в семье полковника. Образование получил в Сухопутном шляхетском корпусе.

В 1779 году тайно от родителей принял монашество в одном из молдавских монастырей...

27 февраля 1793 года рукоположен во епископа Феодосийского и Мариупольского, викария Екатеринославской епархии. **В январе 1794** года Указом Святейшего Синода епископу Феодосийскому Иову были подчинены священники и приходы черноморского казачества. **13 мая 1796** года назначен архиепископом Минским и Волынским.

7 февраля 1812 года (через 16 лет) переведен и назначен Архиепископом Екатеринославским, Херсонским и Таврическим. В состав этой епархии до **июля 1820** года входило черноморское казачество.

Рисунок 2. Иов, архиепископ Екатеринославский, Херсонский и Таврический. Фотография с портрета XIX века (РГИА)

Во время пребывания епископа Иова в Екатеринодаре наш Григорий Стрешенко был произведен в дьяконы.

«Из феодосийской духовной консистории

Верного императорского войска Черноморского в войсковое правительство.

*Его Преосвященством Иовом, Епископом Феодосийским и Мариупольским, по вступившим апреля 28 и 29 числа из войскового правительства представлением, находящийся в Екатеринодаре при войсковой походной церкви штата его Преосвященства священник Василий Дячевский оставлен навсегда при оной, и к ней произведен **дьякон Григорий Стрешенко**, а рукоположенных его же преосвященством священников Филипа Стояновского и Мирона Барвиника при сем Феодосийская духовная консистория в войсковое правительство препровождает и требует, дабы оное благоволило тех священников для преподавания христианских треб определить по рассмотрению своему в другие черноморские селения и куда именно будут определены консисторию уведомить. **30 апреля 1794 года.** Иеромонах Коментарий».*

Далее этот указ был внесен в журнал войскового правительства и *«приказали для сведения взять. Подлинный подписали **Захарий Чепега**, Тимофей Котляревский, секретарь Клим...»*. Вот так в одном документе встретились фамилии Григория Стрешенко и Захария Чепеги. Не исключаю и их личное знакомство.

Как вы помните, в заручном прошении Григорий Стрешенко указан дьяконом Свято-Покровской церкви в Тамани. К сожалению, найти, когда он был переведен из Екатеринодара в Тамань, не удалось.

Исходя из написанного, однозначно можно сказать, что наш священник Григорий Стрешенко был в числе самых первых священно- и церковнослужителей Черномории.

Но когда же и как он стал священником? Нашелся следующий документ:

«Письмо епископа Феодосийского и Мариупольского Гervasия кошевому атаману З. А. Чепеге о рукоположении пяти священников и строительстве пустыни. Ноябрь 1796 года. Старый Крым.

Чрез присланных пяточисленных кандидатов к рукоположению во священники в показанные в прошениях приходы, порученные им столовые вещи, спинки, битой ковер и визыка в целости доставлены. Ваше превосходительство приятно благодарю. Все они, с помощью Божию, пресвитерами отпущены при грамотах...».

В нем, к сожалению, не перечислены пофамильно пять кандидатов, присланных в Старый Крым для рукоположения в священники. Письмо написано в ноябре 1796 года, в том же месяце Стрешенко был назначен священником в курень Полтавский, это позволило мне предположить, что в числе пяти кандидатов был и наш Стрешенко.

На что еще хочу обратить внимание. С кандидатами в епархию были переданы подарочки: *«столовые вещи, спинки, битой ковер и визыка* (хорда из осетровых рыб – Е.С.)». Интересно было бы узнать, что же такое «спинки и битой ковер»?

Мое предположение о том, что в числе пяти кандидатов был наш священник, нашло свое подтверждение в монументальной работе Федора Щербины «История ККВ». Господи, как же я была этому рада.

«В самые порядки обращения казака в духовного отца внедрились также произвол и злоупотребления. Насколько безукоризненны были в этом отношении куренные общества, дававшие одобрительные приговоры только лицам, по мнению жителей, достойным духовного звания, настолько бесцеремонно и своекорыстно действовали все те, кто занимал известное место в бюрократической лестнице духовных учреждений. Представления и

одобрительные приговоры шли через войскового протопопа в консисторию и восходили до владыки. На этом пути кандидату в духовный сан предстояло преодолеть целый ряд трудностей — нужно было надлежаще подготовиться и угодить всем, начиная с войскового протопопа и оканчивая владыкой.

Сами архиереи относились к этому различно. Первый епископ Иов был человек строгий и с разбором относился к ставленникам кандидатами лиц, не подготовившихся к служению в церкви, он просто не посвящал в сан, а заставлял подготовиться как следует. Чтобы получить нескольких священников и диакона, Войсковому Правительству пришлось обратиться к Святейшему синоду для воздействия на епископа Иова; но и при этом условии Иов не изменял своих отношений к делу. Более уступчивым был епископ Гервасий, заместивший Иова. Он посвящал обыкновенно в сан всех представленных ему кандидатов, но только отсылал потом ставленников для обучения к войсковому протопопу Порохне. Но и при Иове, и при Гервасии на исход дел ставленников, видимо, имели влияние подарки, или попросту взятки. Сами архиереи не брезгали подарками. Подарки эти посылались архиереям от Войскового Правительства через кандидатов-ставленников, и, надо полагать, дело не обходилось без участия в подарках последних.

*2 ноября 1796 года кошевой атаман Чепега писал епископу Гервасию: «Для стола Вашего Преосвященства икры свежей два бочонка, балыков пар десять и часть визиги посылаю». И тут же атаман просил владыку рукоположить во священников посланных кандидатов: **диакона Григория Стрешенко, Алексея Волынского, Гавриила Куса, Ивана Суиму и Федора Соболя.** Немедленно, в ноябрь же получен был ответ от Гервасия, что он получил подарки — **ковер, балыки** (солёная и затем провяленная на воздухе **спинка** крупных рыб ценных пород. Теперь понятно, что «спинка» - это балык – Е.С.), **визигу** и пр. и **посвятил во иереи всех пять кандидатов.** Но в письме кошевого Чепеги не значился в числе подарков ковер, а епископ Гервасий*

упомянул о нем. Не была ли это добавка к подаркам кошевого со стороны ставленников?»

Федор Щербина очень жестко прокомментировал всю систему утверждения в сан выбранных куренными обществами кандидатов. Как уж было на самом деле, не знаю. Интересно понять: «**столовые** вещи» из письма Гервасия соответствуют ли «двум бочонкам свежей икры для **стола** Его преосвященства» из письма Чепеги, и что все-таки означает слово «битой» в сочетании со словом «ковер».

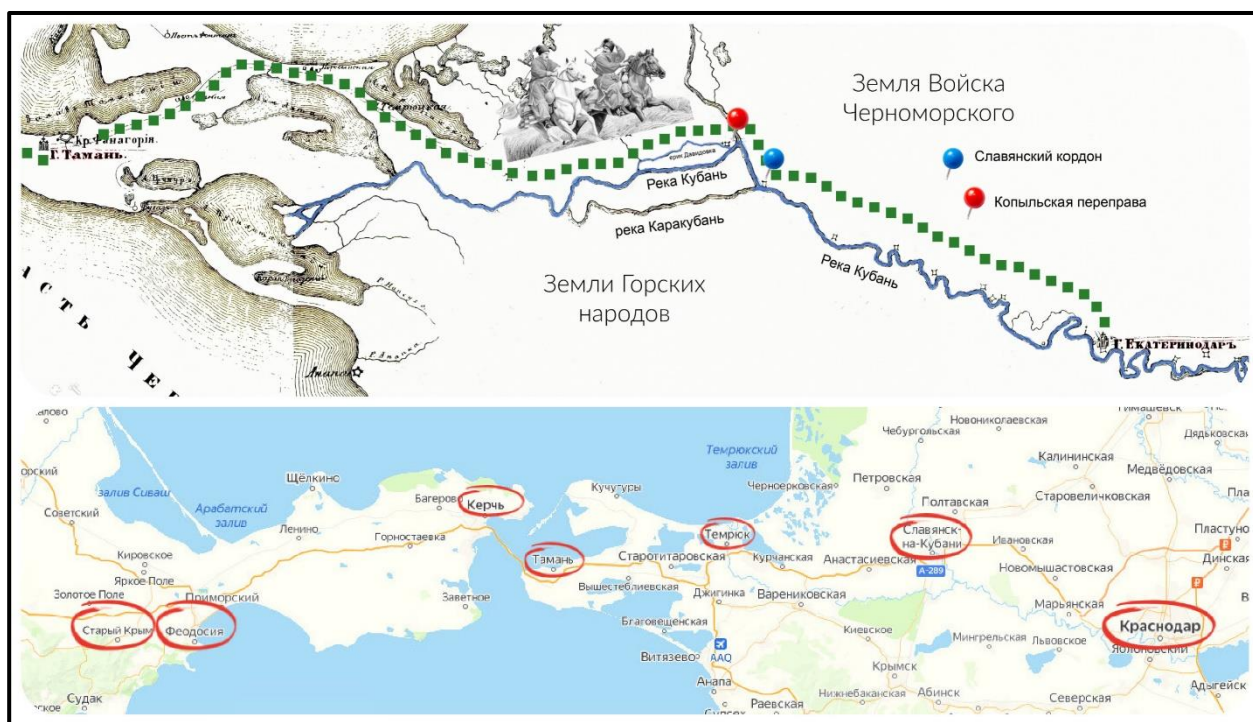
Как же выглядела наша пятерка? *«Священник, лихо скачущий на лошади и великолепно владеющий холодным оружием, был обычным явлением того времени»*. Не знаю, как другие кандидаты, но наш Григорий Стрешенко даже через 20 лет не расставался со своим конем, об этом мы прочитаем позже.

А еще интересно узнать, как добирались наши пять кандидатов до местечка Старый Крым, в котором находилось Феодосийское викариатство. На помощь мне пришли записки **Гавриила Кусы** об этой поездке, познакомимся и мы с ними в переводе на современный язык.

«Подарки упаковали, распределили на пятерых, пристроили на своих верных помощников. Перекрестились, поклонились Свято-Троицкой церкви, сели на коней и поехали по Таманскому шляху, который в то время огибал с юга Красный лес, и начиная от Славянского кордона (сейчас это хутор Тиховский – Е.С.) шел по правому берегу реки Кубани (сейчас это река Протока – Е.С.). Подъехали к Копыльской переправе (сейчас это город Славянск-на-Кубани – Е.С.), переправились на пароме, устроенном на старых байдаках. Подъехали к походной Джерелиевской Свято-Михайловской церкви, установленной здесь еще в 1794 году. Через два года, вследствие неурожаяев на низменной и подтопляемой здешней земле, куренное селение Джерелиевское было переселено с этих мест. Местный священник Мирон Барвинский оставался еще на старом месте и ждал разрешения на

перемещение церкви к своей пастве и чрезвычайно обрадовался встрече с нами».

Не знаю, удивились бы мои герои, узнав, что через 228 лет подтопляемость этих мест все еще будет беспокоить жителей, поселившихся на этом месте в 1865 году во вновь образованной станице Славянской. С наступлением сезона дождей треть города стоит в воде, а чаты переполнены фотографиями затопленных домов и улиц.

«Поужинали, переночевали в сараюшке рядом с церковью. И с утра поскакали дальше вдоль русла ерика Давидовки. Не доезжая Андреевского кордона, приречный, почти 100-верстный отрезок шляха закончился и далее, почти до самой Тамани потянулись прилиманские и приморские отрезки, доставившие нам много неприятностей».

В этом месте записи прерывались, скорее всего был утерян один листочек, а на следующем наши кандидаты оказались уже в Старом Крыму.

«Встретил нас Епископ Гервасий, болезненного вида худой старец. Он был рад и встрече с нами, и привезенным гостинцам»

Справка: родился отец Гервасий в 1720 году (на момент встречи с нашей пятеркой ему было 76 лет) в семье священника села Иванкова Киевского полка. По окончании Киевской духовной академии учительствовал в Переяславской «коллегии», в 1746 году пострижен в монашество, после чего служил в разных монастырях, а **13 мая 1796** года велено ему было быть епископом Феодосийским, викарием Екатеринославской епархии. Скончался 8 января 1798 года.

«Следующий день прошел в проверке наших знаний, которыми Епископ остался весьма доволен. В последующей беседе отец Гервасий рассказал нам об истории образовании викариатства в Екатеринославской епархии и о трудностях, с которыми оно встречается.

Феодосийское Викариатство было учреждено в 1787 году для мариупольских и таврических греков, населявших эту местность, а в 1794 году к нему было присоединено и наше Черноморское казачье войско. Викариатская резиденция была сперва в Феодосии, при греческой церкви Введения Божией Матери, а потом в Старом Крыму, где домовая и притом единственная в этом городе церковь была в путевом дворце императрицы Екатерины II, в котором мы сейчас и находились.

Нелегко было здесь служение святителей. Греческие священники, необразованные выходцы из-за границы, не имели никакого понятия о порядках нашего церковного управления и не знали русского языка. Средства архиерейского дома были очень ограниченные. Из Старого Крыма епископы должны были ездить за 25 верст в Феодосию для служения в воскресные и праздничные дни, а между тем помещения там не было ни для епископа, ни для его свиты. Правда, был дан в городе Феодосии, по Высочайшему указу от 7 ноября 1794 году, огромный дворец для помещения архиерея со свитою, но средства архиерейского дома далеко были недостаточны для поддержания и ремонта дворца.

Старый Крым был древним городом, в окрестностях его нам встретилось много развалин. Он находится на краю гор в конце степи. Мы видели величественные остатки Генуи, фонтан хорошей сохранности замечательной архитектуры».

Историческая справка.

В 1787 году Императрица Екатерина II предприняла свое знаменитое путешествие по вновь присоединенным землям... Пропустим большой его отрезок и перенесемся сразу в Старый Крым. 27 мая в 2 часа дня императорский кортеж выехал из Карасубазара (ныне Белогорск) и в седьмом часу прибыл в Старый Крым. Легкоконный Таврический полк отдавал императрице честь с преклонением штандартов. Били в литавры, играли на трубах. Екатерина II и ее гости ночевали в Старом Крыму в специально построенном для этого дворце. Первоначально на его месте находилась армянская церковь, которую перед приездом знатных путешественников срочно перестроили во дворец. Впоследствии он стал православным храмом во имя Успения Божией Матери, именно в нем пятерка наших кандидатов была рукоположена в священники.

Сад и вся территория вокруг дворца были ярко иллюминированы. Светлейший князь Таврический Потемкин умел производить впечатление, и в Старом Крыму его усилия были высоко оценены. В беседке, над построенным к ее приезду фонтаном, императрица пила чай. Этот фонтан, изрядно разрушенный и лишенный былого великолепия, и сейчас стоит в городе, напоминая о визите Екатерины Великой. А наша пятерка видела этот фонтан еще в приличном состоянии.

Из Старого Крыма Екатерина II со своей свитой направилась в Феодосию (Кафу), и туда же, только через 9 лет, направились наши священники.

Рисунок 3. А. Айвазовский "Приезд Екатерины II в Феодосию"

«На следующий день вместе с Епископом Гервасием отправились в Феодосию, он на повозке на воскресную службу, а мы дорогою домой.

Город состоял из одной большой улицы и нескольких рассеянных на ней строений, хороших и добротных. Встретились нам еще казармы, карантинный двор, готическая церковь, довольно уцелевшая, в которой и проходили службы.

Попрощавшись с Епископом, мы выехали в 5 часов вечера из Феодосии по направлению к Керчи. Проехали степью до рассвета примерно 35 верст. Перед наступлением ночи увидели в некотором расстоянии от дороги на левой стороне великое множество скота, пасущегося в окрестностях татарского селения, попадалось много сена в маленьких кучках и стогах. Чтобы не приехать в Керчь прежде рассвета, мы остановились в нескольких верстах от него, передохнув часа два под открытым воздухом на кучке сена. Когда день начался, заметили великое множество небольших возвышений, называемых у нас курганами. Это были могилы древних скифов. Керчь была когда-то столицей Босфорского царства, ныне это маленький татарский город.

На наше счастье канонерный бот отправлялся из Керчи в Тамань

забрать какого-то чиновника, на нем нам разрешили переправиться через Таманский пролив, шириною верст 12. Выехали по утра, и были уже на половине пути, как стал дуть сильный ветер, пришлось возвращаться обратно. К вечеру ветер переменился. И мы опять пустились в путь, и вскоре приехали в Тамань.

Переночевали в казачьей хижине и на другой день с утра поспешили на службу в красивый храм Покрова Пресвятой Богородицы, первый каменный у нас в Черномории.

Стрешенко, который служил в нем в ту пору дьяком, рассказал, что освятил его отец Роман в начале 1795 года.

Выехали из Тамани в Темрюк, дорога на четверть была выложена камышом. Встретили наших казаков, ловящих рыбу на большой дороге. У них была телега, запряженная двумя быками, для складки рыбы.

В шесть часов вечера подъехали к кордонной линии, начался проливной дождь, и мы поскакали вскачь». На этом записи, к сожалению, закончились. Уверенна, что наша пятерка благополучно добралась до Екатеринодара, а оттуда разъехались уже по своим приходам.

В декабре 1797 года в Черномории насчитывалось уже более 20 церквей, среди них была и полтавская Обрезания господня церковь со священником Григорием Стрешенко.

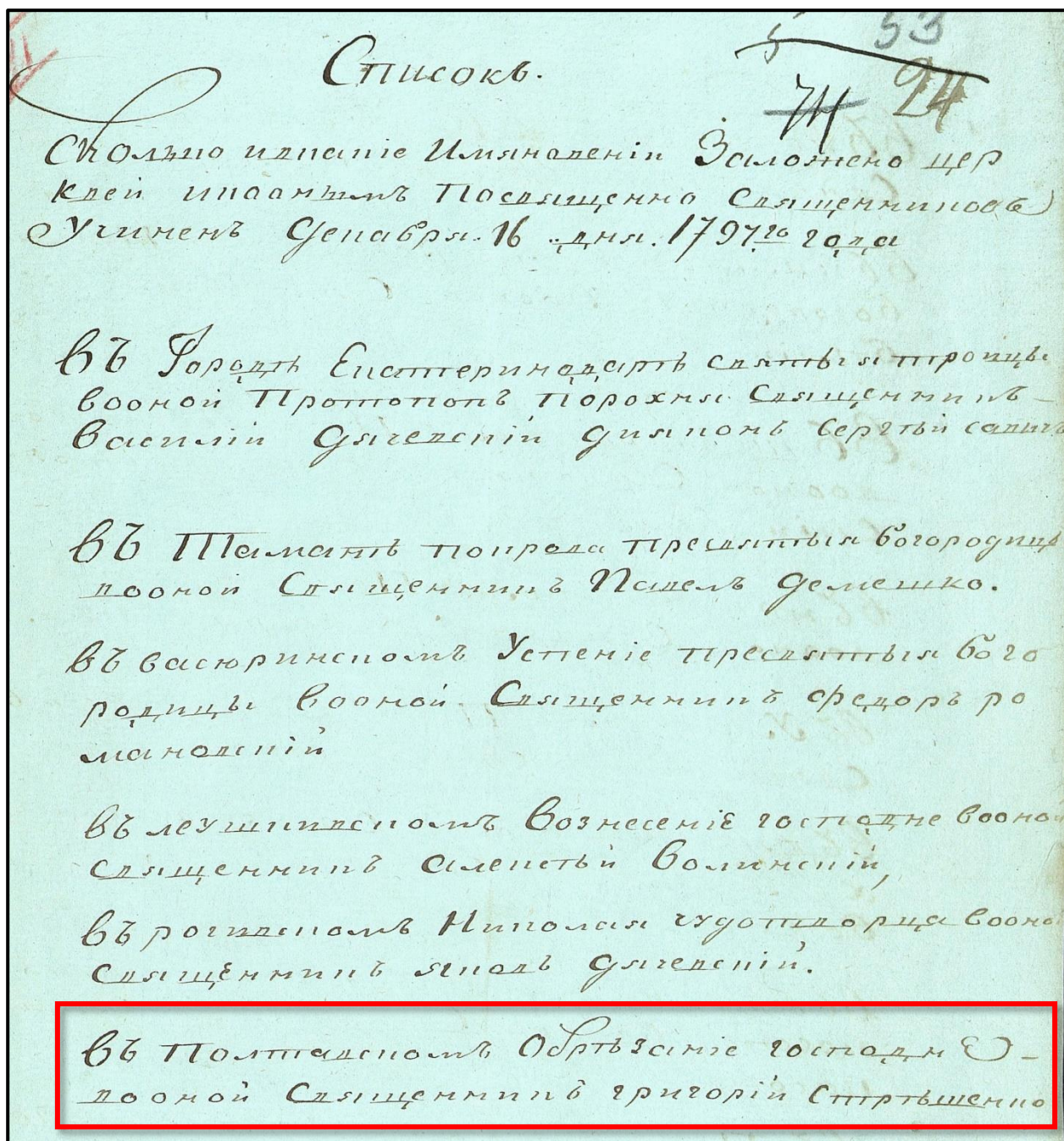

Рисунок 4. Список (часть). Сколько и в какие имяновении заложено церквей и к оным посвященно священников.
Учинен декабря 16 дня 1797 года.

Екатеринодарское духовное правление.

По указу Святейшего Синода от 30 апреля 1800 года и в соответствии с административно-территориальными и церковными преобразованиями в России, в Черномории было создано духовное правление во главе с войсковым протоиереем, находившееся в ведении Екатеринославской

духовной консистории, которая являлась исполнительным органом при епархиальном архиерее. Именно на Екатеринодарское духовное правление легла вся тяжесть забот по продолжению устройства церковной жизни на Кубани. Первоприсутствующий правления одновременно являлся и протоиреем войсковой соборной церкви в Екатеринодаре.

Важную роль в создании духовного правления сыграл занявший место протоиерея после смерти Романа Порохни Петр Семенович Куницкий. Родился 8 января 1774 года в Дубоссарах в семье священника. Окончил Славянскую духовную семинарию в Полтаве. В 1800 году (в возрасте 26 лет) его возвели в сан протоиерея и направили в Екатеринодар настоятелем собора, благословив открыть там Черноморское духовное правление. За успешное исполнения этого поручения в 1801 году его наградили золотым наперсным крестом. В 1803 году протоиерея Куницкого перевели в Одессу на место скончавшегося настоятеля Николаевской соборной церкви, а на должность войскового протоиерея в войско Черноморское был назначен протоирей Кирилл Васильевич Россинский.

Россинский родился 17 марта 1774 года в Новомиргороде в семье священника из Малороссии. Обучение проходил в Новороссийской духовной семинарии. 19 июня 1803 года по просьбе почетной депутации от всего войска Черноморского, он был назначен Афанасием, архиепископом Екатеринославским, в город Екатеринодар войсковым протоиреем Черноморского войска и одновременно первоприсутствующим Екатеринодарского духовного правления. И было ему 27 лет.

Возглавив черноморское духовенство, Отец Кирилл много внимания уделял налаживанию церковной службы, которая зачастую велась весьма плохо из-за нехватки образованных священников и низкой религиозной грамотности. Несмотря на старания предшественников протоиереев Романа Порохни и Петра Куницкого, которые положили начало церковному строительству, проблема кадров так и не была решена окончательно. Поэтому

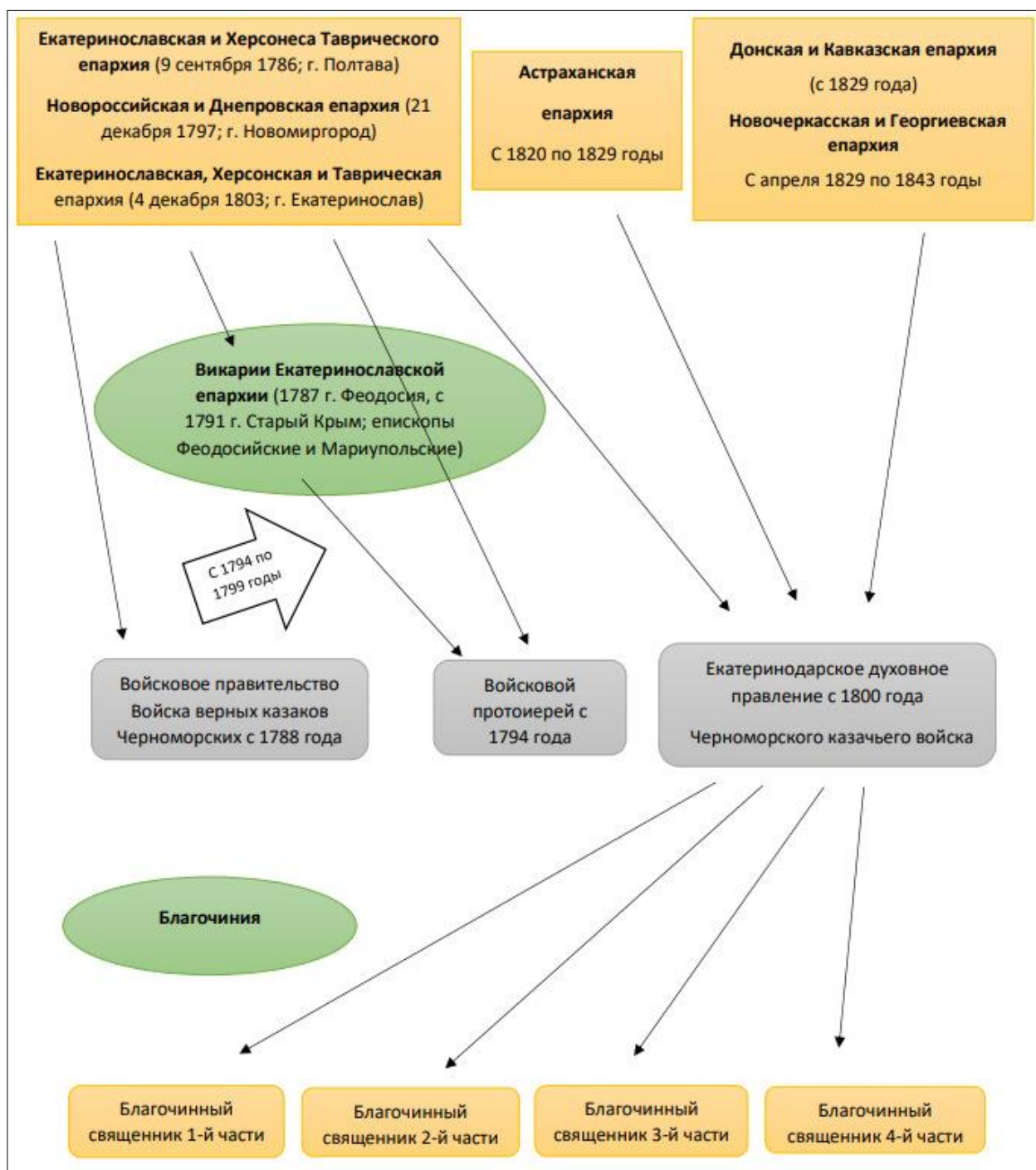
с первых дней своей деятельности в Черномории отец Кирилл Россинский стремился к тому, чтобы в каждом черноморском курене была своя церковь с грамотным настоятелем, который бы не только жил нуждами своих прихожан, но и хорошо знал церковную службу. Озабочиваясь малым количеством в крае священников и не имея возможности вызвать подходящих лиц из России, где ходили преувеличенные слухи о губительном климате Черноморья, он, продолжая дело своих предшественников, начал обучать наиболее способных из среды казачества грамоте и Священному Писанию, церковным уставам и пастырским обязанностям. Затем, с разрешения войскового правительства и одобрения станичного общества, посылал своих учеников к Екатеринославскому архиепископу, который возводил их в сан иерея.

Протоиерей Россинский часто ездил по краю, наставлял куренных священников, требовал от них добросовестного исполнения обязанностей, треб, чтения проповедей и обучения прихожан молитвам.

Отец Кирилл стремился внушить казакам мысль о пользе просвещения детей, которое, по его словам, открывало «врата развитию разума и души».

Открытые стараниями отца Кирилла в 1806 году уездное и в последующие годы приходские училища также способствовали увеличению количества грамотных людей, из среды которых впоследствии появились образованные священники. Но только с открытием усилиями Россинского в 1818 году в Екатеринодаре приходского духовного училища проблема подготовки священнических кадров в основном была решена.

Искренне полагая, что красивое внутреннее и внешнее убранство храма оказывает определенное воздействие на человека, отец Кирилл Россинский много внимания уделял церковному строительству. Протоиерей считал, что Божий храм должен иметь свое здание, а не располагаться в обычном доме (к 1803 году большинство церквей не имели специального здания и располагались в обычных строениях). Умер выдающийся просветитель Черноморского края 12 декабря 1825 года в возрасте 51 года.

Организация церковного строительства в Черномории осложнялось еще и обстоятельствами организационного характера. В результате постоянных переименований епархий и мест их нахождения, переходов из одной епархии в другую в управлении церковными делами отсутствовала необходимая преемственная связь, которая могла бы оказывать более существенную помощь в деле церковного строительства в Черномории. Ситуация изменилась

1 января 1843 года, когда была учреждена Кавказская, с 1886 года Ставропольская епархия, но это уже время не этого рассказа.

Посмотрим на схему. С января 1794 года Черноморское войско было приписано к Феодосийскому викариатству Екатеринославской епархии. В 1799 году, после закрытия викариатства, Черноморское войско перешло в Епархию Новороссийскую и Днепропетровскую, которую в 1803 году переименовали в Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую. В июле 1820 года Черноморское войско перевели в Астраханскую епархию, а в 1829 году в Новочеркасскую.

Черноморская епархия делилась на благочиния (в Русской православной церкви часть епархии, объединяющая группу приходов, находящихся в непосредственной территориальной близости друг от друга), во главе которых стоял благочинный священник, назначенный помогать архиерею в наблюдении за деятельностью духовенства и жизнью приходов во вверенной ему части епархии – благочинии.

В 1822 году в Черномории было 4 благочиния, селение Полтавское входило в первую его часть, в которой находились также селения: Медведовка, Мышастовка, Новотитаровка, Величковка, Новая Ивановка, Старая Ивановка, Старонижестеблиевка, Старая Джерелиевка, Местечко Гривеное, Зарубовка, Поповичевка, Роговское, Новая Джерелиевка, Брюховецкое, Новокорсунское, Тимашовка.

Каждые полгода в Екатеринодарском духовном правлении заполнялся журнал, в котором перечислялся причт каждого селения, с описанием какого состояния и поведения были его служители. К сожалению, этот интересный документ сохранился только за первую половину 1822 года. Данные из него в дальнейшем я буду использовать неоднократно, приводя из него характеристики на тех священно- и церковнослужителей, которые будут встречаться в этом повествовании.

Давайте сразу познакомимся с благочинным протоиреем нашей части благочиния – Пантелеймоном Косминым Красницким (1777 г.р.). Служил он в Успенской церкви селения Медведовки, и все характеристики на служителей причта нашей части благочиния составлял он, кроме своей, которую написал Кирилл Россинский, и еще одной... но оставлю интригу, и расскажу об этом позже.

Журналъ.	
Въздѣланнаго Экспериментарскаго Училища Провиантъ 1 ^{го} Ессентійскаго Благочиннаго Особляющаго Училища Священно и Церковнослужительнаго 1 ^{го} Села 1899. года. Училищнаго.	
№ А именная	Какого Состоянія Училища
<p>Селемий Медведовки Успенской Церкви Благочинный Прото- иерей Пантелеймонъ Красницкий</p> <p>45</p> <p>Священники</p>	<p>Похвальная, въ должнѣи примерно исправен, пьянствен- ною страстью не заражен, не штрафован. Протоиерей Кирилл Россинский.</p>

«Какого состояния и поведения: похвального, в должности примерно исправен, пьянственной страстью не заражен, не штрафован. Протоиерей Кирилл Россинский».

Во всех характеристиках священно- и церковнослужителей присутствовало в обязательном порядке определение отношения человека к спиртным напиткам, и это меня немного удивило.

Продолжение следует.

01.04.2024 года

Елена Сабур